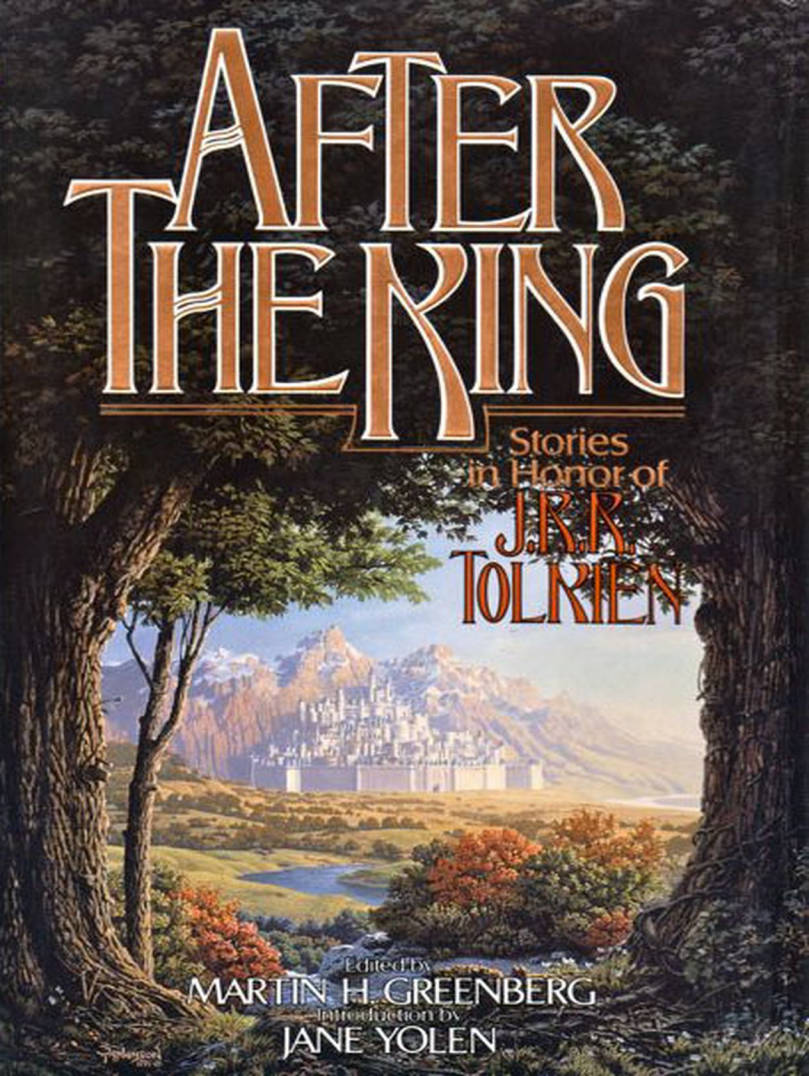

AFTER THE RING
Stories in Honor of J.R.R. TOLKIEN
Edited by
MARTIN H. GREENBERG
Introduction by
JANE YOLEN

Вера

Пол Уильям Андерсон, Карен Андерсон

Аннотация
Пол Андерсон. Вера

Аннотация

Однажды на отдаленной пустоши появилась странная черная крепость, проникнуть в которую никому не удавалось. Вскоре после этого пошли слухи, что крепость принадлежит гоблинам, ворующим детей из окрестных селений. Несколько десятилетий эту беду никак не удавалось избыть, пока не вырос в глубинах этой цитадели мальчик, нашедший путь к свободе…

Пол Андерсон
Вера

Находясь далеко на северо-западе, за горами Бешеной Лошади, Илэнд считался беднейшим из графств. Народу там проживало немного, да и гости забредали так редко, что многим Илэнд казался каким-то неведомым, богом забытым царством. А между тем тамошние жители были вполне довольны своей жизнью и даже счастливы. Процветали крупные фермы, земли которых раскинулись по берегам реки Люты. Приземистые, крытые тростником, но вполне крепкие глинобитные хижины собирались в стайки, образовывая уютные деревушки. Лесорубы и углежоги трудились в Исунгском лесу, что на юге графства, а шахтеры добывали руду в шахтах среди северо-западных холмов Нар. У слияния рек Карумкил и Люты стоял город Йорун. Может, жители других графств и назвали бы его просто «большой деревней», да только имелись там и свой зал собраний, и своя церковь, и свой рынок, и даже несколько небольших, но вполне успешно действующих фабрик. А в грех городских тавернах народу было всегда полным-полно.

На севере и на востоке плодородные земли плавно сменялись безлесными пустошами, густо заросшими вереском и пучками высокой дикой травы. Там, на берегах темных озер, шуршал

густой тростник, а над водой носились стаи птиц; в траве паслись олени, на них охотились волки, но, кроме волков из зверья, на пустошах водились только зайцы, лисы и прочая мелочь. Люди бывали в этих местах нечасто. Только пастухи порой пригоняли туда на выпас свои стада да забредали немногочисленные охотники; впрочем, последние предпочитали охотиться все же в лесу или на холмах. Но ни один охотник или пастух никогда не осмеливался отойти слишком далеко от реки, ибо всего в двух-трех днях пути от нее раскинулись страшные Сумеречные болота.

Чрезвычайно удаленное от центра и живущее слишком скромной жизнью, чтобы привлечь к себе внимание бандитов или завоевателей, графство Илэнд, в общем, вполне обеспечивало себя и даже имело кое-какие излишки для торговли и обмена — если, конечно, кому-то из странствующих торговцев удавалось перебраться через горы и по дороге, вьющейся вдоль опушки леса Исунг, прийти в Йорун.

Порой между обитателями Илэнда случались, конечно, ссоры, перебранки и даже вооруженные столкновения, но в основном жили они мирно и дружно, стараясь помогать друг другу. Местный священник отправлял все необходимые обряды

и освящал все, что нужно было освятить, а в свободное время занимался самой обыкновенной торговлей. Мировой судья возглавлял собрания графства, производил аресты преступников и наказывал их, что, впрочем, случалось крайне редко, а также осуществлял справедливый суд между теми спорщиками, что являлись к нему сами по доброй воле. Он же собирал и налоги, большая часть которых шла королю.

Эта его обязанность была, разумеется, не слишком по душе остальным жителям, однако людям пришлось смириться с налогами, как пришлось им смириться и с собственными недугами, и с болезнями животных и растений, и с тем, что к старости сила любого живого существа постепенно иссякает.

Но в целом, как уже говорилось, жизнь у обитателей Илэнда была вполне благополучной, а смерть — легкой.

И тут явились гоблины.

Первым о них сообщил жителям Йоруна охотник Орик. Преследуя оленя на дальних вересковых пустошах Мимринга, он еще издали заметил нечто странное и решил подойти поближе и поглядеть. Однако гончие его вдруг отказались идти в ту сторону; они крутились и прыгали возле Ори-

ка, отчаянно скулили и, сколько он ни свистел и ни ругался, дальше так и не пошли. Молодой охотник плюнул и с отвагой и безрассудством юности двинулся дальше один.

Казавшийся издали странный предмет оказался маленькой крепостью из черного камня. В стенах ее не было не только дверей, но, похоже, и окон. Крепость занимала примерно акр земли, но имела какую-то на редкость неправильную, даже, пожалуй, отталкивающую форму. Стены ее были высотой в три человеческих роста; крыша сложена из неровных слюдяных плит; сторожевые башни по углам торчали как-то криво, и между ними виднелось множество каминных труб, среди которых не было ни одной похожей на другую. Там были трубы тонкие и длинные; толстые и приземистые; с неровными, зубчатыми краями; конусо- и куполообразные — в общем, самой различной формы, но все исключительно безобразные и какие-то кривоватые.

Пронзительный промозглый ветер воровато шуршал в зарослях вереска и дрока, поднимая в воздух комки серых сухих водорослей, выброшенных морем на берег, и это унылое зрелище то и дело скрывалось в дыму, клубами валившем из каминных труб. Орик уловил запах какого-то

странного жаркого, и запах этот вызвал у него не приступ голода, а скорее тошноту. Ему стало не по себе, и он поспешил уйти оттуда.

В ту ночь ему пришлось устроить привал у костра, ибо до дома было еще неблизко, но спал он плохо, как бы вполглаза, и его мучили кошмарные видения: невысокие уродливые тени метались вокруг в неровном свете костра, слышалось какое-то невнятное бормотание и хихиканье, да и гончие его не спали, а скулили и жались к нему, поджимая хвосты.

— Но это же невозможно! — возразил Орику мировой судья, внимательно его выслушав. — Крепость же должен был кто-то строить, а уж строителей бы сразу заметили. Но ты утверждаешь, что не видел ничьих следов — ни людских, ни оставленных повозками, верно?

— Если эта крепость создана обитателями Сумеречных болот, то в ее внезапном появлении ничего невозможного нет, — мягко промолвил священник. — Нам необходимо отправиться туда и посмотреть собственными глазами.

Итак, возглавляемый охотником, судьей и священником отряд самых храбрых мужчин Йоруна вышел в путь. По большей части люди были вооружены ножами, топорами, косами да цепами,

но кое у кого имелись все же старинные мечи или алебарды, принесенные еще дедом или прадедом того или иного счастливчика с одной из великих войн маркграфа. Люди довольно скоро отыскали на вересковой пустоши тот безобразный замок, о котором рассказывал Орик, и остановились у его стен, дрожа под мелким холодным дождем. Судья несколько раз призывно крикнул, несколько раз протрубил в рог, затем объехал вокруг замка, то и дело стучась в его стены, но никто ему так и не ответил.

Орик чувствовал: ему необходимо доказать всем, что к нему вернулась былая храбрость, а потому велел приятелям подсадить его и залез на крышу замка. Острые края слюдяных пластин в кровь изрезали ему руки и изодрали крепкие кожаные штаны, пока он полз по крутому скату крыши к той каминной трубе, над которой вроде бы дыма видно не было. Когда же он наконец заглянул в трубу, страшный жар опалил ему глаза, но он успел увидеть, как глубоко под ним, точно в преисподней, светятся белым светом раскаленные угли, над которыми пляшет голубоватое пламя. Орик быстро сполз с крыши и сообщил:

— Никто из нас этим путем внутрь никогда не проникнет!

Его окровавленные ладони вскоре сильно воспалились и очень долго не заживали.

Ничем не смог помочь людям и священник со своими молитвами и обрядами — ни в тот день, ни потом.

И люди вернулись домой. Вот только мир их с этого дня страшным образом переменился. Теперь он был исполнен горя и печали, ибо в семьях вдруг странным образом стали пропадать дети. Особенно на удаленных фермах. Только что отнятые от груди младенцы исчезали по ночам прямо из колыбелей! Оказалось, что даже если ставни и двери крепко заперты изнутри, щеколды в них приподнимаются сами собой, и внутрь прокрадывается некто, отлично видящий в темноте, оставляя на мягкой земле следы маленьких узких ступней с длинными, похожими на когти пальцами. Ни одна гончая не желала идти по этим следам! И все следы, сразу за селеньем исчезая в зарослях вереска, вели к загадочной черной крепости!

Священник провел немало дней и бессонных ночей за чтением своих мудрых книг. Он читал их и при свете солнца, и при свете свечей и через некоторое время провозгласил:

— Я думаю, там поселились гоблины. А вот

для чего им понадобились наши дети, этого нам лучше не знать!

И много раз в последующие месяцы и годы в сумерках или при лунном свете люди видели этих тварей, неслышно шнырявших вокруг. Гораздо реже им доводилось услышать их голоса — невнятное бормотание или отвратительное хихиканье.

В итоге они сумели составить некий приблизительный портрет гоблина, сотканный из множества отрывочных наблюдений: это было прямоходящее существо на тощих ножках ростом не более пяти футов, с большой безволосой головой, острыми ушами и чудовищно безобразным носом. Глаза у гоблинов светились в темноте, как яркие фонари. И никто из людей ни разу не попал в гоблина ни камнем, ни копьем, ни стрелой, пущенной из лука.

Впрочем, на взрослых людей и животных гоблины не нападали. Они воровали зерно с полей, фрукты из садов, молодняк с пастбищ, но с подобным ущербом можно было еще как-то мириться; во всяком случае, он был не страшнее того, какой наносили хозяйству вороны или волки. Самым ужасным было то, что в семьях продолжали исчезать маленькие дети и даже грудные младенцы!

Родители изо всех сил старались уследить за своим малышом; они по очереди несли ночную вахту возле его колыбельки, но в итоге усталость все же брала свое, особенно когда после бессонных ночей людям приходилось заниматься тяжким крестьянским трудом. А дети постарше и вовсе в сторожа не годились: они то и дело засыпали или же с воплями убегали прочь, когда ставни вдруг с грохотом распахивались и в оконном проеме возникала ужасная оскаленная физиономия гоблина. Собаки же редко осмеливались лаять на этих воров, а гоблину хватало одной минуты, чтобы схватить ребенка и исчезнуть.

В первый год жители Илэнда еще боролись. Дважды они с помощью таранов пытались пробиться в замок гоблинов, но любой таран разлетался в щепки. Пытались они отыскать и гоблинские туннели, из которых те внезапно выныривали на поверхность и столь же мгновенно в них исчезали. Но людям попадались только барсучьи норы, и ни одна собака не могла взять след гоблина, а в болотистых низинах на вересковых пустошах терялся и вообще любой след.

Люди подходили к стенам черной крепости и громко предлагали гоблинам золото, красивую одежду и прочие ценности, прося лишь перестать

воровать детей, но в ответ слышали только хриплый злобный смех. Любые ловушки и капканы против гоблинов были бессильны; и ни один всадник не успевал за ними угнаться.

Люди несколько раз посылали гонцов за горы, к королю — с просьбой о помощи. На третий раз король все же направил для борьбы с гоблинами отряд вооруженных воинов под предводительством одного из своих баронов. Барон велел местным жителям построить перед замком гоблинов баллисту и собрать камни покрупнее. Однако же и с помощью баллисты им не удалось отколоть от стен замка ни крошки камня.

А по ночам гоблины продолжали насмехаться над людьми; из темноты, стеной стоявшей вокруг костров, разложенных под стенами черной крепости, слышалось их мерзкое хихиканье.

— Нет, людям не под силу справиться с этой напастью, как не под силу им справиться с «черной смертью»! — заявил наконец барон и увел свой отряд обратно за горы.

А король учредил в графстве новый налог: для защиты от гоблинов.

Гоблины же совсем обнаглели, а может, их стало просто слишком много в крепости, ибо теперь они шныряли по улицам Йоруна, почти

не скрываясь, и люди часто видели их в желтом свете, падавшем из окон домов.

И они по-прежнему продолжали красть детей не только на отдаленных фермах, но и в столице, и в других городах и деревнях, значительно расширив круг своей «деятельности» словно для того, чтобы ни одно из селений не несло единовременно слишком тяжелых потерь: обычно из одного селения детей крали не чаще, чем раз в год, а то и раз в три года. Честно говоря, за это время болезни свели в могилу куда больше людей.

Зная, что глухие ночные часы от заката до рассвета грозят опасностью, люди предпочитали ходить группами, размахивая при этом зажженными фонарями и громко разговаривая. Да и летние звездные ночи уже не манили юношей и девушек обниматься под каждым кустом. У людей все реже возникало желание разжигать теплыми вечерами костры на лесных полянах и танцевать до рассвета, зато церкви прихожане посещали все более исправно; церковные службы были по-прежнему совершенно безопасны и стали даже еще более пышными.

Охотники, пастухи и вообще все те, кому по долгу службы приходилось большую часть времени проводить не дома, а под открытым небом,

ходили теперь, задрав нос и гордясь собственной смелостью. А остальным приходилось, скрывая свои истинные чувства, держать язык за зубами; лишь порой тишину в селеньях нарушали плач и проклятья несчастных супругов, в горести склонявшихся над опустевшей колыбелью.

Но люди предпочитали не говорить лишний раз на столь неприятные темы, старались забыть о существовании проклятой черной крепости на пустоши Мимринга и изо всех сил стремились вести жизнь спокойную и размеренную.

Так продолжалось тридцать лет и три года.

— Ты опять плохо вел себя, — сказал Хорк и погрозил длиннющим шестидюймовым указательным пальцем, на конце которого в свете очага блеснул острый коготь. Глаза гоблина светились красным, точно уголья. — И не усугубляй свою вину лживыми оправданиями! — Будучи одним из немногих гоблинов, хорошо владевших человечьим языком, Хорк любил порой пофилософствовать. Возможно, он считал, что «умные слова» способны сделать менее заметным его противный акцент и мерзкое прихихикивание, которым всегда сопровождалась речь гоблинов. Впрочем, детям не с кем было его сравнивать. — На этот раз тебе действительно придется выучить

свой урок как следует. Иначе мы переведем тебя на другую работу. Ты ведь не хочешь этого, верно?

Коротышка весь похолодел, да так и застыл перед хозяином со стиснутыми кулаками, лишь время от времени встряхивая головой, чтобы отбросить с лица чересчур длинные патлы песочного цвета, мешавшие ему смотреть.

— Что ж ты молчишь? Не желаешь повиноваться? — прошипел Хорк.

И Коротышка постарался заставить себя забыть о страхе. Он давно уже научился делать вид, что совершенно спокоен, хотя все тело во время разговоров с Хорком мгновенно покрывалось липким потом, а внутри дрожала каждая жилочка.

— Что ты, господин мой! — Коротышка старался говорить уверенно и неторопливо. — Я только никак не пойму, какую ошибку я совершил на этот раз. — Он точно знал, что его последний налет на кладовую прошел совершенно незамеченным.

Хорк выпрямился на своем стуле, сделанном из костей, и в комнату, казалось, вползли мрак и пронизывающий холод, которые ледяным облаком окутали сперва гоблина, а потом и мальчика.

— Ты опять болтал в детской! — заявил Хорк. — И выболтал нечто такое, о чем тебе и самому-то знать не полагалось! Ну, говори, что еще ты успел разнюхать? Что еще успел украсть из сокровищницы нашей премудрости?

— Но ведь никто не говорил мне, что каменная плита над очагом содержит какую-то тайну! — вскричал якобы оскорбленный Коротышка. — Если б ты, господин мой, хоть намекнул, что говорить об этом нельзя, я бы, конечно, молчал!

Серо-голубая физиономия гоблина побагровела.

— Именно потому, что никто тебе ничего не говорил и не показывал, — заявил Хорк, — ты должен был сообразить, что это запретное знание. И откуда ты только услышал про камень над очагом, проныра?

Мужество Коротышки было поколеблено. Он и понятия не имел, что для гоблинов это так важно.

— А просто… господа Брамм и Улюлю разговаривали об этом… в зале Священного Зелья. Они меня видели, но ничего не сказали, не предупредили ни о чем, не велели мне молчать… Прошу тебя, господин мой!..

— Ах вот как! — Голос Хорка несколько смяг-

чился. — И что же ты понял из их разговора?

В душе Коротышки шевельнулась слабая надежда, и он решил выложить все:

— Я ведь не только их разговор слышал, господин мой. Я, например, не мог не слышать и того, как господин Дроннг всегда восклицает: «Нет, клянусь камнем над очагом!», когда бывает сердит. А господа Брамм и Улюлю говорили о том… — Голос у мальчишки сорвался.

— Продолжай, продолжай, — рявкнул Хорк. — О чем же они говорили? И что именно тебе удалось выведать о нашем Священном камне?

— Что этот камень… находится внизу, в подземной часовне, и в нем… заключена вся жизненная сила замка!..

— И ты посмел все это разболтать?

— Прошу тебя, господин мой, не сердись на меня! Я ведь не знал…

— Это я не знал, что ты настолько хорошо понимаешь язык своих хозяев, подлый проныра!

Коротышка возражать не осмелился и ни слова не сказал о том, что язык гоблинов слышит с тех пор, как себя помнит, вот и выучился понимать его. Да и все дети знали определенное количество гоблинских слов и выражений, хотя воспитывали их на языке людей и разговаривали с ними

только на нем. Просто порученная Коротышке работа предоставляла отличную возможность совершенствоваться в понимании языка гоблинов. А сообразительность, благодаря которой он и получил эту работу в зале Священного Зелья, помогла разобраться в значениях многих новых слов.

— И теперь я совсем не уверен, — продолжал между тем Хорк, — сможем ли мы дать тебе волю и выпустить в мир Зеленых Листьев, когда придет твое время… Не знаю, не знаю…

Коротышка так и застыл, скованный ужасом. Глаза его заволокло туманом. Но потом перед ним снова вполне отчетливо возникли обнаженные в улыбке клыки гоблина, и он услышал:

— Я, конечно, буду скучать по тебе, когда ты достигнешь Нужной Меры. Ты часто плохо ведешь себя, о чем свидетельствуют твои шрамы, и все же ты лучший помощник, какого мы в Аркане когда-либо имели. — Пронзительный голос Хорка стал задумчивым. — Вероятно, именно поэтому ты и прослужил дольше всех… Во всяком случае, мне так кажется…

Коротышка не стал ему отвечать. Если сами гоблины не ведут счет времени, то с какой стати это должен делать он?

— Ну что ж, по-моему, тебе только повредит, если тебя лишить заветной мечты, — промолвил Хорк. — Посмотрим, как ты будешь вести себя после очередной порции наставлений. — Он встал. Браслеты — единственная его одежда — угрожающе звякнули. — Итак, приступим.

Коротышка поспешно, чуть ли не с радостью, стащил с себя рубашонку, какие носили все человеческие детеныши. Хорк заставил его некоторое время постоять голым, внимательно рассматривая мальчика своими выпученными глазами из-под покрытых наростами и шипами век. Затем равнодушно пожал плечами и пошел к столу с инструментами. Коротышка лег на «учебный стол» и вцепился в его край зубами, ибо кричать во время «наставлений» не разрешалось. Крепко сжав руками особые ручки, он сам сунул ноги в специальные скобы — «стремена».

Как всегда, покончив с «наставлениями», Хорк губкой вытер с его спины кровь, смазал раны целительным бальзамом и дал выпить чего-то удивительно бодрящего.

— А теперь ступай к себе и ложись спать, — велел мальчику гоблин. — Да смотри, впредь держи рот на замке! — Хорк мерзко хихикнул и прибавил: — Кстати, ты не забыл меня поблагодарить?

— Спасибо большое, господин мой! — дрожащим голосом сказал Коротышка и поцеловал большой палец на левой ноге гоблина. Потом слез со стола, подхватил свою одежду и поспешил вон из комнаты.

Извилистые коридоры переплетались, создавая немыслимый лабиринт. Светильники на голых каменных стенах отбрасывали неяркий и какой-то тревожный свет. Звуки шагов мгновенно гасли, точно разбегаясь в стороны и разгоняя по боковым коридорам темные тени, шорохи, невнятный шепот. Если мимо проходил кто-то из гоблинов, Коротышка тут же отступал к стене и останавливался, подогнув колени и опустив голову.

Впрочем, гоблины здесь встречались нечасто. Лишенные возраста и возможности иметь детей, гоблины больше всего на свете любили разнообразные развлечения: они были прямо-таки помешаны на охоте и воровстве, а также обожали мучить людей (считая, что причиняют им всего лишь незначительные, с их точки зрения, страдания) и веселиться вместе с теми обитателями Сумеречного мира, которые были более или менее дружески к ним расположены.

Они часто устраивали всякие праздники, изоб-

ретали хитроумные проказы, а делам старались уделять как можно меньше внимания. Кстати, магией гоблины отнюдь не увлекались, если не считать нескольких необходимых заклятий, позаимствованных у колдунов и демонов и механически заученных. Когда гоблины решили поселиться в Илэнде, тролль Бобо построил для них эту крепость. Только заплатить ему гоблины, конечно же, «забыли».

Проходя по залу Священного Зелья, Коротышка на минутку остановился. Зрелище и впрямь было завораживающее, колдовское. Таинственное сияние разливалось над многочисленными очагами, котелками и перегонными кубами, над разбросанными повсюду волшебными палочками, ведьминскими метлами и черепами, над заплесневелыми фолиантами и языческими тотемами.

В огромном котле кипела жидкость, в которой медленно вываривался очередной гоблин, сменив того, что осмелился рассердить великого тролля.

В данную минуту здесь не было ни души, но обычно здесь властвовал Улюлю, воображавший себя настоящим волшебником. Время от времени Улюлю произносил заклятие сохранения действия и сущности. Его постоянным помощ-

ником был Брамм. А Слеф и Крих ставили под их руководством разнообразные опыты, но скорее для развлечения: никакой конкретной цели у гоблинов не было.

Прислуживал в этом зале всегда кто-то из детей — приносил, уносил, подметал, мыл и вообще делал все, что прикажут гоблины. Само собой разумелось, что все их поручения слуга будет выполнять быстро, точно и терпеливо. После того, как Кривоножка, прислуживавший здесь ранее, достиг Нужной Меры и удалился в мир Зеленых Листьев, его место занял Коротышка. Это было уже так давно, что самого Кривоножку он теперь почти и не помнил.

Несмотря на усталость, в душе Коротышки вновь вспыхнуло любопытство. Для чего, например, гоблинам вон та серебристая паутина? Откуда здесь появляются сухие травы и душистые благовония? У кого бывают такие ветвистые рога? Или это просто такие ветки с огромными шипами? Что такое луна и звезды, о которых говорится в тех толстенных книгах? Каждый раз Коротышка, особенно когда ему удавалось остаться здесь одному, старался рассмотреть что-нибудь повнимательнее, во все совал свой нос, все разглядывал, нюхал, удивлялся… Попытки

разгадать эти немыслимо сложные загадки развлекали его, спасали от отчаяния, утешали, когда ему было особенно больно и тяжело.

Вот и сейчас все тело у него болело после полученного «урока». Однако целебный напиток, которым угостил его Хорк, все-таки здорово помог, и тело уже начинало забывать причиненные страдания. Теперь Коротышка гораздо сильнее страдал от голода, чем от боли. Как же часто ему приходилось голодать! Ежедневной порции похлебки парнишке давно уже не хватало, и он, чтобы хоть как-то насытиться, воровал любую еду, какая только попадется под руку.

Он и понятия не имел, что именно постоянное недоедание и не позволило ему достигнуть Нужной Меры, когда был назначен срок испытания. Потом, правда, он стал догадываться, что все дело в еде, и начал потихоньку ее красть. И довольно скоро опять стал расти, и даже подрос примерно на дюйм, но потом рост его опять замедлился.

Зато стали более крепкими мускулы, укрупнились кости, а потом появились и более странные перемены во всем теле, которые сперва даже испугали его и заставили стыдиться.

Теперь он мылся, только повернувшись спиной к соседям по комнате. На лице и на теле проросли

грубые курчавые волосы, и голос тоже огрубел, но порой смешно ломался и становился писклявым, особенно когда он говорил горячо, от всего сердца.

И даже сны его теперь отличались от прежних и тоже частенько заставляли стыдиться, а днем глаза сами собой так и косили в сторону девочек.

Коротышка горестно вздохнул и поспешил прочь. Нельзя допустить, чтобы гоблины увидели его здесь! Тем более если они заметят, что он бездельничает.

Больше всего он боялся утратить то относительно независимое положение среди народа Аркана, которого достиг теперь. И неизвестно еще, когда гоблины решат, что он достиг Меры и его можно отпустить в мир Зеленых Листьев. Может, этого и вообще никогда не случится.

А вдруг он навсегда останется таким вот коротышкой? Честно говоря, магазинчик с плотницким товаром или кузница в том, ином, мире представлялись ему самым лучшим занятием; а всякое там ковроткачество, портняжное дело и тому подобное — это, скорее, для девчонок. Можно было бы также работать на кухне: там всегда можно стащить какую-то еду. Ну и обычную работу, вроде мытья полов, таскания ведер

с водой и углем, тоже вполне терпеть можно. В крепости-то он таких дел переделал немало, вот только монотонность подобных занятий напрочь убивала всякое желание фантазировать, тогда как фантазии всегда служили ему убежищем.

Но больше всего Коротышку пугала мысль о том, что он станет личным слугой у кого-то из гоблинов. Он немало слышал о такой службе, и тошнотворный комок сразу вставал у него в горле, стоило ему вспомнить, в каких «развлечениях» тогда придется участвовать.

Страшила его также возможность быть приставленным к ленивым червям, копошившимся в подземных питомниках. Если это случится, думал он, то вряд ли мне захочется жить так долго, чтобы наконец дорасти до Нужной Меры. Нет, любой ценой нужно сохранить ту службу, которая ему поручена сейчас!

А интересно, кто это распускает о нем такие подлые сплетни и наушничает Хорку?

Жгучий гнев так и вскипел у него в груди. Обычные сплетни Коротышку волновали крайне мало. Хотя наушничество гоблинами поощрялось. Когда кто-то из детей рассказывал им о нарушителях местных правил, они награждали доносчика — дарили сладкое мясо или игрушку

и позволяли немного побездельничать.

Но если гоблины узнавали, что кто-то, зная, что закон был нарушен, не выдал нарушителя и никому не сообщил об этом, наказание следовало неизбежно и незамедлительно.

Так что дети быстро учились держать свои мысли при себе, совершать мелкие кражи и скрывать собственные ошибки.

Коротышку раньше частенько учили уму-разуму. Он без конца нарушал установленные правила, да и послушанием не отличался. Но вскоре научился не только мастерски скрывать свои проделки, но и держаться с должным достоинством во время наказания, воспринимая его как нечто само собой разумеющееся. Порой он даже сам рассказывал гоблинам о своих «подвигах», которых те не заметили.

Но сегодня это было… было… Ему не хватало таких слов, как «нечестно», «несправедливо», однако он понимал несправедливость сегодняшнего наказания, испытывая странную душевную боль — словно ему ни за что дали подзатыльник.

Неужели же его предал кто-то из детей? Неужели кто-то насплетничал гоблинам, как Коротышка рассказывал в спальне о том, что у черного замка, оказывается, есть сердце?

Никогда прежде он не боялся говорить своим ближайшим приятелям о том, что видел или слышал во время работы. Ведь любая новость, которая способна была сделать их мрачную жизнь хоть чуточку светлее и теплее, всегда встречалась с восторгом и поднимала настроение, помогая выполнять бесчисленные поручения гоблинов.

Но больше всего ему, конечно, хотелось произвести впечатление на Писклю. Он и сам толком не знал, почему это так, но в последнее время для него вдруг стало очень важно, какими глазами она на него посмотрит.

Он даже и теперь был рад, что не отвел ее в сторонку и не рассказал ту историю втайне от остальных. Он мог бы поступить так, но, во-первых, было трудно найти уединенное местечко, а во-вторых, тогда вполне могла бы пострадать и Пискля — из-за того же ябеды. И ее бы тоже выпороли. А этого он себе никогда бы не простил.

Кто-то наверняка просто из вредности донес на Коротышку гоблинам, надеясь, что он, хотя бы и по незнанию, нарушил какой-нибудь запрет. Незнание в качестве извинения гоблинами никогда не принималось.

Коротышка продолжал копаться в памяти, и подозрения его все усиливались. Скорее всего, это

Яблочко, его старинный недруг. Их обоих не раз наказывали за драки, но потом Яблочко драться почти перестал, превратив в оружие свой язык, более быстрый и острый, чем у Коротышки.

А не так давно Яблочко вдруг очень сильно вытянулся и тоже явно стал предпочитать общество Пискли. Коротышку это приводило в бешенство, и стычки с Яблочком у него стали возникать даже по столь незначительным поводам, что и крысиного плевка не стоили.

От этих мыслей душу Коротышки затопила такая жгучая горечь, что он даже остановился, надеясь хоть немного успокоиться. В этом месте его коридор пересекался с другим коридором, и почти все дети в этом месте обычно делали остановку.

Взгляд Коротышки бесцельно проследовал по всей видимой длине сводчатого коридора, и вдруг в самом его конце он заметил дверь. Массивную деревянную дверь в железной раме и не менее тринадцати футов высотой. И выходила эта дверь за пределы замковых стен.

Так им, во всяком случае, всегда говорили. Хотя никто из детей никогда не видел, чтобы эти огромные тяжелые двери открывались.

Каждый вечер и каждое утро, засыпая и про-

сыпаясь, Коротышка снова и снова мечтал о том, как он проходит в эту дверь. Однако прочная металлическая скоба наверху была для него недоступна. С левой стороны двери на стене имелся выступ, на который легко мог вспрыгнуть любой гоблин и, присев на корточки, вывинтить болт из гнезда и поднять скобу. Но детям до этого выступа было конечно же не достать. Да и найти что-нибудь подходящее, чтобы на этот выступ залезть, Коротышке никак не удавалось.

Он вздохнул и поплелся дальше. Но через некоторое время пошел гораздо быстрее, поняв, что Пискля наверняка уже в том отсеке, где помещались малыши.

Войдя в свою спальню, Коротышка невольно зажмурился и заморгал глазами. Три комнаты, отведенные детям, и особенно эта, были залиты солнечным светом. Правда, свет был не совсем настоящий, а отраженный — сперва он падал на крыши башенок, через которые внутрь замка проникал свежий воздух, а затем специальными зеркалами направлялся в те помещения, где жили дети.

Вот и теперь, хотя свет быстро меркнул, ибо близилась ночь, здесь было куда светлее, чем во всех остальных коридорах и залах замка.

Гоблины приходили в эти комнаты только по необходимости и предпочтительно после наступления темноты, или же кутаясь в темные плащи с надвинутыми на лицо капюшонами.

Да, собственно, здесь и не было ничего для них интересного.

В одной комнате среди тесно поставленных двухэтажных нар для спанья и повернуться-то негде было. Во второй комнате, хозяйственной, дети мылись, стирали, хранили свои вещи и тому подобное. А самая большая комната служила одновременно молельней и гостиной.

Дверей между помещениями не было. Полы были деревянные, потрескавшиеся, щелястые, все в старых пятнах жира, крови и слез. Стены покрывала небеленая штукатурка, на которой в разных местах виднелись метки, сделанные углем и свидетельствовавшие о том, что кто-то пытался вести счет дням, однако, сделав несколько сотен черточек, всегда это занятие бросал.

Впрочем, этот мрачный зал несколько оживляли отдельные яркие пятна — игрушки, разбросанные повсюду. Их гоблины дарили детям в качестве вознаграждения. А иногда дети сами мастерили их себе из всяких обрезков и лоскутов.

На стене красовались семь страниц, давным-

давно выдранных из какого-то древнего манускрипта. Страницы были прибиты гвоздями, и дети неустанно пытались разгадать загадку написанных на них слов. Но чаще всего они просто рассматривали картинки.

На картинках были изображены люди, животные, поля, деревья, голубой купол с золотым диском посредине — то есть всякие чудеса, совершенно недоступные пониманию детей.

То был мир Зеленых Листьев, куда все они непременно должны были отправиться, когда достигнут Нужной Меры. И, разумеется, если будут хорошо себя вести и верно служить добрым гоблинам, которые спасли их от Ужаса и дали кров и пищу.

Более того, детям говорили, что и эти картинки, и замечательные игрушки сделаны гоблинами. Коротышка, который ни разу не видел, чтобы гоблин хоть что-нибудь сделал своими руками, свои сомнения держал при себе.

Подойдя ближе к детской, он услышал голос Пискли:

— Нет, дорогая, ты должна зашить свою рубашку, не то она совсем расползется! Ой, да ее и постирать не мешало бы! Хочешь, я научу тебя стирать?

— Не хочу! — сердито заявила ее малолетняя собеседница. — Чего ее стирать-то? Небось, нашим хозяевам все равно, грязная она или чистая.

— Если ты всегда будешь чистенькой, они могут выбрать тебя и ты станешь прислуживать им за столом! — пыталась соблазнить малявку Пискля. — Тогда у тебя будет много чистых хорошеньких платьиц. А пока постарайся просто быть аккуратной, чтобы на тебя приятно было смотреть твоим друзьям. И главное — чтобы тебе самой было приятно. Ты же все-таки не таракан и не мясная муха, а хорошенькая маленькая девочка! И когда-нибудь непременно вырастешь и отправишься в мир Зеленых Листьев, где вообще все прекрасно и где ты тоже станешь такой же прекрасной…

Голос у Пискли был совсем взрослый, такой нежный, мелодичный. Она вообще здорово подросла и округлилась в последнее время, а ее каштановые косы свисали ниже хорошенькой кругленькой попки. Но звали ее все равно Писклей: те имена, точнее клички, которые дети сами придумывали друг для друга, так навсегда к ним и прилипали.

Пискля сидела на скамейке, держа на коленях грудного младенца, появившегося в детской

совсем недавно, и кормила его с ложечки кашей. Увидев, как отлично она управляется с малышами, гоблины назначили ее няней и воспитательницей для самых младших, как только эта должность освободилась: Курносая, которая была няней прежде, достигла Нужной Меры и ушла в мир Зеленых Листьев. Пискля всем сердцем любила свою работу. Даже больше, чем Коротышка — свою.

— Ну хорошо, я постираю, если ты мне поможешь, — согласилась наконец на ее уговоры девочка по прозвищу Толстушка. — А ты нам перед сном сказку расскажешь?

— О птичках, — пропищал совсем еще маленький И-Я-Тоже. — И о цветочках!

— А что такое птички и цветочки? — спросила Толстушка.

Ей повезло: она пока что была обязана лишь время от времени выполнять ту или иную домашнюю работу, с которой могла справиться.

— Не-е-е, я о цветочках не хочу-у-у, — протянул Косоглазый. — Я хочу о… лошадках! — Рыжеволосый, веснушчатый, с дырками на местах выпавших молочных зубов, он тянулся вверх, как тростинка, и уже доставал до плеча и Коротышке, и Пискле.

Причин наказывать его у гоблинов всегда хватало, да они и наказывали его чаще других, но Косоглазый тем не менее вскоре уже снова проказливо улыбался.

— Дайте мне сперва подумать, — улыбнулась Пискля.

Она не была уверена, что хорошо представляет себе, что такое лошади. Или цветы. И никто из детей не был в этом уверен.

Порой, пребывая в благодушном настроении, тот или иной гоблин мог кое-что рассказать детям о мире Зеленых Листьев. Подрастая, дети посообразительнее, вроде Коротышки, начинали также понимать, о чем говорят гоблины, разговоры которых всегда старались подслушивать. Все эти сведения, а также картинки на стене давно стали почвой для бесконечных размышлений и фантазий.

И по мере того, как одно поколение похищенных человеческих детенышей сменяло другое, сложилась целая мифологическая система, некий волшебный мир, в котором многие из детей проводили гораздо больше времени, чем в самом замке гоблинов, обладавшем несокрушимыми стенами.

Конечно, мифы, созданные детьми, были до-

вольно невнятны, а зачастую незавершенны и противоречивы, но их всех объединяло одно: там, за этими черными стенами, их ожидают бесконечные чудеса и удовольствия, там царят мир и любовь и там — но этого никто вслух не говорил — нет никаких гоблинов!

— Я буду скакать верхом на лошади, когда вырасту, — в страшном возбуждении вопил Косоглазый, — и убью много-премного драконов, а еще я… — Тут он заметил Коротышку и бросился к нему с криком: — Коротышка! Ты вернулся!

В детской сразу же наступила мертвая тишина. Все знали, что Коротышку увели наказывать. И даже грудной младенец на коленях у Пискли, казалось, сочувствовал ему, глядя на него большими печальными глазами.

Пискля встала, положила малыша в колыбель и медленно пошла навстречу Коротышке. Остальные нерешительно жались сзади. Дети постарше еще не вернулись с работы. А малыши, видя красные отметины на руках и ногах Коротышки, дрожали от страха, и было ясно, что каждый из них чувствует себя очень одиноким и совершенно беззащитным.

Коротышка так и замер. И тут же заставил себя улыбнуться.

— «Коротыфка, ты вернулфя!» — прошепелявил он, весело передразнивая Косоглазого. — Скажите, пожалуйста, какой сюрприз! А ну-ка, рассказывайте, что тут у вас без меня произошло?

Пискля подошла к нему вплотную и тихо спросила:

— Больно тебе?

— Да нет, я крепкий! — похвастался он. — Голодный, правда, как последняя собака. Боюсь, до ужина не дотяну!

Косоглазый тоже подошел поближе. Обожание и преклонение так и светились в его голубых глазах.

— Им никогда не заставить тебя плакать! — сказал он восхищенно.

Однако же именно он, Косоглазый, в последний раз наябедничал гоблинам, когда Коротышка подрался с Яблочком. Правда, он тогда был совсем еще малышом, и все же…

Коротышка даже не посмотрел на Косоглазого, потому что Пискля протянула к нему обе руки, словно желая поддержать, и он, страшно взволнованный, взял ее за руки.

Ах, какие у нее были теплые и нежные лапки, точно арканский хрусталь!.. Лицо Коротышки жарко вспыхнуло.

— Мне так жаль, что я ничем не могу помочь тебе! — неуверенно прошептала она.

И он не решился сказать ей, что она только что помогла ему, да еще как!

— А почему они тебя били? Зачем они сделали тебе больно?! — Страх и сострадание звенели в голосе Толстушки.

Коротышка закусил губу.

— Мне нельзя об этом рассказывать, — буркнул он.

— Но я-то не знаю, о чем тебе нельзя рассказывать! — возразила Толстушка.

Пискля на минутку наклонилась к девочке, чтобы ее утешить. И Коротышка тут же заревновал в душе.

— А я знаю! — заявил Косоглазый. — Но я буду сидеть и молчать.

— Вот и начинай молчать прямо сейчас, большеротый! — сердито рявкнул Коротышка.

Косоглазый даже дыхание затаил от страха. Потом, сердито сверкнув глазами, как-то бочком отодвинулся от Коротышки и забился в угол. А Коротышка по-прежнему стоял посреди комнаты, так и не зная, что же делать дальше.

Продолжать стоять вот так было бы совсем глупо. Больше всего ему хотелось сейчас кому-

нибудь врезать как следует! Вот только кому? Наверное, тому, кто этого заслуживает…

В детской становилось темновато. Вскоре придется взять ветку валежника, сунуть ее конец в камин, горящий в зале, принести назад и поджечь этой веткой фитили сальных свечей, чтобы осветить комнату. Это была веселая работа, вот только сегодня выполнять ее была очередь не Коротышки.

В дверях послышался какой-то шум, привлекший всеобщее внимание. Вошел Яблочко. Он был самым высоким из детей и лучше всех питался благодаря своей работе на кухне. Детей кормили в основном какими-то плодами и фруктами, зернами и кореньями, но порой в этом месиве попадались и кусочки мяса или рыбы. Впрочем, Яблочко ни разу не ловили на том, что он выуживает из общего котла лучшие куски. А гоблины, казалось, не замечали, что парнишка растет быстрее других, да и худобой особой не отличается.

— Как ты сегодня рано! — воскликнул Косоглазый. — Что-нибудь случилось?

— А ты покушать сегодня что-нибудь принес? — жалобно спросил И-Я-Тоже.

Яблочко усмехнулся и довольно потер руки. Его щеки-яблоки вспыхнули еще более густым

румянцем.

— Не огорчайся, малявка, — сказал он. — Помощь всегда приходит вовремя: послезавтра ты будешь пировать по-настоящему!

Дети изумленно уставились на него. Он еще некоторое время их помучил, а потом с затаенным торжеством пояснил:

— Вы все знаете: когда у хозяев пир, нам достаются остатки. Ну, не мясо, конечно. Мясо — только для них. Но орехи и всякие сладости нам всегда перепадают, верно? А пир они устраивают каждый раз, когда кто-нибудь из нас уходит в мир Зеленых Листьев. Устраивают по доброте душевной, радуясь за того, кто ушел.

— Так это ты уходишь? — выдохнул потрясенный Коротышка.

Яблочко гордо кивнул и хрипло прокаркал:

— Я, я! Ты что, не видишь? Я уже достиг Нужной Меры!

У Коротышки перед глазами поплыла красная пелена.

— Врешь ты все! — завопил он, захлебываясь. — Не может этого быть! Ты же не выше, чем… Да ты и на дюйм меня не перерос, так что…

В подобных случаях гоблины устраивали поистине торжественный ритуал. Они приводили

старших детей в зал, и те с бешено бьющимся сердцем по очереди поднимались на особое возвышение и изо всех сил выпрямлялись, прижавшись спиной к столбу. Лорд Хорк торжественно опускал рейку, с помощью которой он измерял рост детей, и рейка касалась головы ребенка. Если соответствующая отметина на рейке совпадала с красной чертой на столбе, то счастливчику позволялось сколь угодно бурно выражать свою радость — смеяться, плакать, плясать под завистливыми взглядами бывших товарищей, которым на сей раз не повезло.

А Яблочко все молчал и улыбался, глядя, как беснуется Коротышка.

— У меня особый случай, — заявил он. — Я совершил добрый поступок, и мне велели прийти за вознаграждением. Я пришел и, набравшись смелости, спросил у Хорка, нельзя ли меня измерить, потому что я уже стал ростом с него самого, и он… В общем, он меня измерил! И я оказался достаточно высок! Так что скоро я ухожу.

Коротышка сразу понял, конечно, что за «хороший поступок» совершил Яблочко. И вонзил ногти в ладони, чтобы не вцепиться в горло своему извечному сопернику.

— Ой, Яблочко! — ласково пропела Пискля. — Я

так за тебя рада! — И она обняла его и крепко поцеловала.

Яблочко прижал ее к себе и торжественно пообещал:

— Я буду ждать тебя там, в мире Зеленых Листьев! — Затем он глянул поверх ее головы на Коротышку и небрежно заметил: — А такие, как ты, у которых в брюхе вечно от голода воет, вообще никогда Меры не достигнут и в Зеленый мир не попадут!

Коротышка прямо-таки взвыл от злости. На негнущихся ногах он сделал сперва один шаг к противнику, потом второй, третий… Яблочко выпустил Писклю и чуть отступил, понимая, что сейчас будет драка.

— Я должен идти, — быстро сказал он. — Меня хозяева ждут. Я забежал только на минутку: хотел поделиться с вами приятной новостью. Прощайте, прощайте!

Он резко повернулся и бросился прочь по коридору.

— Ах ты, мразь! — завопил ему вслед Коротышка. — Да я… тебя убью!..

Пискля схватила его за руку.

— Нет, пожалуйста! Пожалуйста, успокойся! — просила она. — Если ты сейчас устроишь

потасовку… Ну, пожалуйста!

Коротышка сердито стряхнул с себя ее руки.

— Отстань! И все вы от меня тоже отстаньте! — Он выбежал в коридор, слыша за спиной плач Пискли.

Во мраке лишь слабо светились жалкие светильники на стенах. Отовсюду тянуло пронизывающим холодом. А ведь Пискля права: ему никак нельзя снова навлечь на себя гнев Хорка. И все же, все же… Коротышку словно вела чья-то чужая воля, и он какое-то время упорно тащился следом за убежавшим недругом, но потом все же остановился на знакомом перекрестке и, плюнув на вражеские следы, стал красться в том же направлении.

Он отлично знал, что бродить по коридорам в такой час детям запрещено, и старался держаться в глубокой тени у стен, используя как укрытие каждую колонну, нишу или выступ, а потом быстро перебегал в следующее безопасное место. Воровству, как и умению подкрадываться незаметно, он старательно учился с тех пор, как на него обрушился этот неутолимый голод. Он уже успел придумать некую спасительную историю на тот случай, если его вдруг выследит и остановит кто-то из гоблинов: ему очень

жаль, но он случайно свернул не туда и забрел на запретную территорию; он и не думал, что так получится; просто шел к себе, в детскую, глубоко задумавшись о том, сколь благотворное воздействие оказал на него урок, преподанный ему господином Хорком, и о том, что ему непременно нужно стать лучше, но, к сожалению, сбился с пути, и вот…

Яблочко решительно свернул в коридор, ведущий в зал Советов. Коротышка замер, прижавшись к стене и прислушиваясь. Из зала доносились пронзительные голоса гоблинов и лязг их когтей по каменному полу. Потом послышался голос Хорка:

— Вот наконец и ты, мой мальчик! Ничего, можешь не извиняться. Итак, друзья мои, мы собрались, чтобы отправить этого юношу в иной мир, вознаградив его тем самым по заслугам!

— Какой он хорошенький, полненький! — тихо промолвил Крич, который, как и большинство гоблинов, немного умел говорить по-человечьи. — На мой вкус — в самый раз!

— Спасибо, спасибо вам всем, добрые господа, — бормотал Яблочко. — Клянусь, я должным образом воздам вам хвалу перед обитателями мира Зеленых Листьев!

— Да, конечно. Мы понимаем твои чувства, — заверил его Брамм. — И тоже будем о тебе помнить, и ты как бы разделишь с нами тот праздничный обед, который мы устроим в твою честь!

— Идем же, — сказал Яблочку Дроннг. — Спеши получить свою вполне заслуженную награду!

Горький комок стоял у Коротышки в горле, и он ничего не мог с собой поделать. Нет, он непременно должен рискнуть! Он должен хоть одним глазком увидеть, как это произойдет, и послать своему врагу вслед прощальное проклятие!

Свет факелов становился то ярче, то слабее. Целая свора гоблинов потащилась за Яблочком вслед, позванивая своими дурацкими браслетами. Гоблины подпрыгивали от нетерпения, весело болтали между собой и хихикали, а мальчик шел молча, точно зачарованный.

Странная мысль тяжко билась у Коротышки в мозгу. Куда это они направляются? Он хорошо знал замок. В качестве посыльного ему пришлось побывать везде — и в самых глубоких подвалах, и на верхних этажах, и даже на башне, где висели священные колокола, Созывающие Всех Упырей. Но сейчас они двигались туда, где, по мнению Коротышки, никогда не было ни одной запертой

двери!

Значит, те высокие двери на самом деле вовсе не ведут за пределы замка, догадался он. Гоблины нарочно обманывали детей — так, из предосторожности. Ну что ж, пожал плечами Коротышка, в конце концов, ложь — неотъемлемая часть здешней жизни.

Его прямо-таки распирало от любопытства и возбуждения: еще бы, ведь сейчас он, возможно, узнает настоящий путь на свободу!

Скорчившись в три погибели, с бешено бьющимся сердцем он осторожно двинулся следом за гоблинами.

Еще несколько часов назад он ни за что не стал бы так рисковать. Но сейчас он был слишком взволнован, его сводили с ума боль, гнев, ревность — ведь Пискля при всех поцеловала этого типа!

Коротышка попытался представить себе, каковы могут быть последствия его отчаянно смелого поступка, но, как ни странно, ни малейшего страха не испытал. Любые последствия были ему, в общем, безразличны. А вот возможность узнать, где находится потайная дверь, а потом, если получится, и воспользоваться ею казалась ему в данный момент важнее всего на свете.

И все же нервы у него были натянуты, как струны, и двигаться он старался так, словно был не более чем сгустком дыма от факела.

Все двери в коридор, по которому они шли, так и остались открытыми: гоблины, толпившиеся сейчас вокруг Яблочка, второпях позабыли их закрыть. А в самом конце коридора, в торцовой его стене, Коротышка увидел самую обыкновенную дверь. Эта дверь всегда была закрыта, и он понятия не имел, что может быть за нею. А заглянуть за нее ни разу не осмелился, потому что здесь проходил всегда только в сопровождении кого-то из гоблинов, который с мальчишки глаз не спускал. Неужели, растерянно думал Коротышка, именно за этой дверью находится мир Зеленых Листьев?

Он проскользнул в соседнюю комнату и притаился среди уродливых высоких ваз, не сводя глаз с заветной двери. И вскоре увидел, как Хорк с размаху отворил ее.

Яблочко, которому хорошо было видно, что там, за нею, вдруг остановился так резко, будто споткнулся.

— Но… — заикаясь, пролепетал он. — Но…

— Ты же знаешь, нам не нравится яркий свет, — поспешил успокоить его Хорк. — Но мы, конечно же, проводим тебя через этот темный вестибюль

до самого порога и там тепло попрощаемся с тобою — попрощаемся навсегда!

— Ах вот как! Тогда спасибо, господин мой! — И Яблочко рысью устремился вперед.

Гоблины, которых теперь собралась целая толпа, двинулись за ним. И последний захлопнул за собой дверь.

Коротышке оставалось только ждать. Ему показалось, что из-за двери доносится какой-то грохот, но от волнения в ушах у него так шумело, словно огромные волны прибоя били о берег, сотрясая даже кости его черепа.

Прошла целая вечность, прежде чем дверь снова распахнулась и гоблины стали выходить в коридор. Коротышка совсем скорчился в своем убежище, старясь стать как можно меньше. Если они его сейчас здесь обнаружат, то ему конец. В крайнем случае его для начала приставят к тем отвратительным червям. И уж совершенно точно на свободу он никогда отсюда не выйдет!

Гоблины толпой проследовали мимо, весело болтая и мерзко хихикая. Многие их возгласы были Коротышке понятны.

— Сперва пошли выпьем эля, самого лучшего, сваренного матушкой Падальщицей! — крикнул Дроннг, пребывавший явно в наилучшем распо-

ложении духа. — А потом хорошенько выспимся — и будем вполне готовы насладиться праздничным обедом, приготовленным Смагой, верно?

— Верно! — поддержали эту чудную идею остальные.

Не успели смолкнуть пронзительные вопли гоблинов, как Коротышка ринулся к двери. Странно, но руки его ничуть не дрожали, когда он потянул засов в сторону и чуть-чуть приоткрыл дверь. Проскользнув в образовавшуюся щель, он сразу же закрыл дверь за собою и попытался разглядеть впереди выход наружу и крыльцо за ним. Но тщетно: ни двери, ни крыльца видно не было.

Он находился в довольно большой комнате с кирпичными голыми стенами, освещенной сальными свечами, вставленными в отвратительный канделябр, лапки которого извивались каким-то страшным образом — точно конечности человека под пыткой. Догорающие свечи испускали мерзкую вонь. На полу, между плитами, блестевшими и, похоже, только что вымытыми, пролегал желоб, вроде водосточного. Возле стены стояла всякая кухонная утварь. А посреди комнаты возвышался огромный, грубо сколоченный деревянный стол, покрытый черными пятнами. На столе лежали ножи, кухонные и мясницкие.

Ножи тоже явно только что вымыли: они так и сверкали.

Коротышка поднял глаза чуть выше, пронзительно вскрикнул и потерял сознание.

Он пришел в себя, лежа на полу в луже собственной блевотины. Холод пронизывал его до костей; зубы так и стучали. Открыв глаза, он снова уперся взглядом в то, что висело над столом на здоровенном крюке, вбитом в потолок: это был Яблочко, голый и страшно побелевший.

Рот у него был открыт. Оттуда торчал серый язык. Глаза были мертвые, немигающие и совершенно сухие. Живот у мальчика был вспорот и пуст — гоблины свалили его внутренности в стоявшее рядом ведро. А в другое ведро они весьма заботливо сцедили большую часть крови убитого.

— Я совсем не это имел в виду, Яблочко! — услышал Коротышка чей-то плаксивый голос в тишине. Потом понял, что это его собственный голос. — Я не хотел твоей смерти. Честно, не хотел!

Он с трудом встал на четвереньки, потом, пошатываясь, выпрямился. Ноги и руки слушаться отказывались; он чувствовал себя настолько же выпотрошенным, как висевший перед ним труп. Медленно-медленно сквозь туман в голове

пробивалась ясная мысль: так вот где кончается их служба! И жизнь. Жизнь каждого из детей, когда-либо попадавших в замок. Завтра гоблины счистят мясо с костей, отнесут на кухню, и повар Смага станет его готовить, отдавая приказания детям-поварятам: добавить тех или иных специй, полить соусом, выложить на блюдо, подать на стол… Ничего сверхъестественного! Вполне понятно, что поварята рассказывали в детской, как весело празднуют гоблины «проводы» очередного ребенка, достигшего Нужной Меры!

Если гоблины узнают, что Коротышка обо всем пронюхал, то, вполне возможно, за первым праздничным обедом вскоре последует и второй. А впрочем, его плоть они могут замариновать и подавать по кусочкам в виде закуски. Да еще и каждый постарается проявить при этом собственное остроумие.

Нет, пожалуй, до этого все-таки не дойдет. В ведре все еще полно воды… Коротышка тщательно вымылся, вымыл свою рубаху и пол вокруг. Он, видно, мылся чересчур старательно и невольно разбередил раны, полученные во время «урока». Боль напомнила ему о той цене, которую приходится платить за чрезмерную болтливость. Ничего, на сей раз он будет молчать. Постарается

как можно лучше выполнять свою работу, не станет причинять никакого беспокойства гоблинам и еще… еще…

А что еще?

Ну что же ты, идиот! Ведь все это означает, что нет никакого мира Зеленых Листьев!

— Прощай, Яблочко, — прошептал Коротышка и выскользнул за дверь.

Потрясенный до глубины души, он вряд ли соблюдал хоть какую-то осторожность. К счастью, никто из гоблинов ему не встретился, а зал, где гоблины обычно пировали, находился далеко от детских комнат. Здесь шум попойки был едва слышен. Почти все дети уже спали. Видимо, он пробыл в той мясницкой довольно долго.

Добравшись до знакомого коридора, Коротышка ускорил шаг. Во всяком случае привычное логово уже недалеко, никто его вроде бы не заметил, сейчас он проскользнет в спальню, натянет на голову одеяло и окажется наконец наедине с собой. А завтра, когда их, как всегда, поднимут громкие звуки трубы и старшие дети разойдутся по рабочим местам, он постарается придумать, как им избежать жадных гоблинских пастей.

У входа в детскую горела свеча, но внутри было совершенно темно. Черная раззявленная пасть

входа напомнила Коротышке о том, что он видел в потайной комнате. Мальчик остановился и опустил плечи, весь дрожа.

— Нет! — тихонько проныл он. — Пожалуйста, не надо!

Вдруг в спальне блеснул огонек. Коротышка отшатнулся и чуть не упал. Сердце у него готово было выскочить из груди.

Навстречу ему шла Пискля. Рубаха, которую она второпях набросила на себя, казалась бледной подвижной тенью. Ее ноги, руки, лицо — все светилось белым светом.

«Но только этот свет живой!» — подумал вдруг Коротышка ни с того ни с сего.

Было видно, как на горле Пискли бьется кровь в тоненькой жилке. Широко раскрытые глаза девочки внимательно смотрели на него. В них переливались алмазы слез.

— Коротышка! — выдохнула она. — Где же ты был? Я так боялась за тебя, что не могла уснуть. С тобой ничего не случилось? Ты здоров?

Он стоял, как истукан, и молчал.

Она подошла к нему и сжала его руки в своих.

— Ты совсем замерз, — сказала она. — Холодный как лед. В чем дело? Что случилось, Коротышка?

— Какая разница? — хрипло, с трудом прошеп-

тал он. — Какое это теперь имеет значение?

— Для меня — имеет! — вся вспыхнув, возразила она, и ему показалось, что от ее щек, залитых румянцем, и жарко горящих глаз исходит тепло и переливается прямо в его душу.

И вдруг Пискля вздрогнула. Она догадалась:

— Случилось что-то ужасное, да?

Наконец он сумел сдвинуться с места.

— Да, — с трудом вымолвил он, — случилось. И вскоре снова случится.

— Но что?

Раны на спине вдруг напомнили о себе резкой болью.

— Помнишь, я рассказывал тебе?..

— Но ты ведь не осмелился… заглянуть?

Ее пальцы стиснули его руку. Она подняла голову и смотрела прямо на него. Ее распущенные волосы слабо светились в пламени свечи.

— Я понимаю, — кивнула она. — Нет, не надо ничего говорить. Я не хочу… — На ресницах у нее блеснули слезы. — Я не хочу, чтобы они снова мучили тебя. Нет, никогда!

— Но они будут мучить тебя! — крикнул он каким-то не своим голосом.

Она выпустила его руки и встревоженно воскликнула:

— Коротышка, да ведь ты болен! Пойдем-ка со мной. Я приберегла тебе кое-что поесть — твою порцию и часть моей. Поешь, и тебе сразу станет лучше.

— Поесть? Ах, Пискля! Если бы ты видела этот крюк, и эти страшные ножи, и эти ведра с кровью!..

Пискля быстро оглянулась. Ну конечно, кто-то из детей уже завозился, разбуженный его криком. Ее мягкая ладошка мигом прикрыла Коротышке рот.

— Тише, тише! Иди сюда. Здесь можно поговорить. Только не кричи. Да иди же!

Она потянула его за руку.

Он послушно выскользнул следом за нею в коридор. Они отыскали какую-то нишу и уселись в темноте, прижавшись друг к другу и дрожа от холода и страха. И тут Коротышка не выдержал: он уронил голову ей на грудь и заплакал. А она ласково поддерживала его, гладила по голове, что-то напевала, баюкала…

— Нет, — сказал он наконец решительно. — ЭТОГО они с тобой не сделают! Я им не позволю!

И он рассказал ей все. Теперь уже она в ужасе прижималась к его груди, теперь уже ей нужна была опора, защита. Она верила в его силы, а он

и понятия не имел, откуда они у него, эти силы, и все же они нашлись — для нее!

— Что же нам делать, что делать? — бормотала Пискля, раскачиваясь и словно вдруг ослепнув в окружавшей их тьме, лишь порой нарушаемой слабым беспокойным мерцанием далекой свечи у входа в детскую, озарявшей угол каменной стены.

Коротышка чувствовал, как она дрожит. И всем своим мучительно-теплым живым телом прижимается к нему. Его ноздри взахлеб пили аромат ее кожи; ему казалось, что она пахнет солнцем, нагретыми травами, чабрецом, полынью и еще чем-то таким, о чем он понятия не имел, хотя слова эти слышал. Волна смущения поднялась в его душе и напрочь смыла робость и растерянность. И он, словно вдруг увидев перед собой некую ясную даль, уверенно сказал:

— Ничего, мы непременно спасемся! Мы убежим! А эти двери, которые, по их словам, должны вести в мир Зеленых Листьев, все же куда-нибудь да ведут!

— Нет! — простонала Пискля. — Я не смогу… не смогу смотреть… Мне не вынести… Бедный Яблочко!

— Неужели нам лучше сдаться? Сдаться без

боя? — мрачно спросил Коротышка. — Что бы мы там ни увидели… Нет! Сегодня же ночью мы должны бежать! Иначе проклятые гоблины сразу заметят в нас перемену. — Итак, решение было принято, и ему сразу стало легче. — А знаешь, — сказал он Пискле, — вполне возможно, через эти двери мы сумеем выбраться и за пределы крепости. Ведь всем известно, что гоблины довольно часто выходят наружу и возвращаются обратно с добычей. И все знают, что они приносят в замок самые разные вещи и еще… маленьких детей. Значит, и нас они откуда-то принесли! Откуда же еще, если не снаружи?

Голос у него вдруг сорвался на какой-то дурацкой визгливой ноте. Разъяренный этим, навалившейся усталостью и своей очевидной слабостью, он умолк, изо всех сил стараясь взять себя в руки.

И снова почувствовал, как Пискля стиснула его пальцы.

— Нам не пройти. — Голос ее дрожал. — Этот Ужас…

— Да? — презрительно фыркнул Коротышка. — Тот самый, от которого наши «хозяева» якобы спасли нас? Неужели ты все еще веришь в это? А я тебе вот что скажу: это ОНИ украли нас из мира

Зеленых Листьев! Украли, как и все остальное, что приносят сюда!

— Но нам не открыть эти двери! Они слишком высокие. Нам не достать до засова, не открутить болты…

И тут Коротышку осенило:

— Я знаю, как это сделать! Только нужно, чтобы нас было трое. И тогда, вместе, мы сумеем! Ты, я и… — Он замялся. — И…

— Кто? — с отчаянием спросила Пискля. — Малыши недостаточно сильны, да и соображают еще плоховато. А те, кто постарше… Ты думаешь, они тебе поверят? Да с какой стати! Боюсь, любой из них тут же с удовольствием побежит к хозяевам! — Она вдруг замерла, глядя на него широко раскрытыми глазами. — Я и сама не знаю, почему сразу поверила тебе, Коротышка. Честное слово, не знаю!

Это был тяжелый удар. Действительно, на что он надеялся? Зачем так глупо выложил ей все? Ведь теперь ей ничего не стоит предать его. И уж награда за это последует сверхбогатая! А что, если она нарочно привела его в такое темное место, где надеется легко от него ускользнуть? И в мозгу у него вспыхнула мысль: если он сейчас убьет ее, никто и не узнает, кто это сделал. А руки у него

сильные. Схватить ее за горло и…

— Может быть, потому что ты мне доверился? — продолжала размышлять вслух Пискля.

И стиснутые кулаки упали сами собой. Коротышка даже ободрал костяшки пальцев об пол. Ужас охватил его. Он услышал, как она продолжает рассуждать:

— А может, потому что ты — это ты. И ты всегда был добр ко мне, Коротышка…

Неужели она забыла, как он в детстве дразнил ее? Или просто решила, что теперь эти воспоминания ничего не значат? Или даже догадалась, что его дерзкое поведение имело и совсем иное значение? Рыдания стиснули ему грудь.

— Что ты? — Она снова схватила его за руку. — В чем дело, Коротышка? Скажи мне!

— Нам необходимо как можно скорее бежать отсюда! — простонал он. — И попытаться спастись. — Бежать, спастись — от чего-то более страшного, чем сама смерть. Да, это он понимал отлично. — Но кто поможет нам, Пискля? Кого мы могли бы попросить?

Она довольно долго молчала, молчал и он, слушая, как кровь молотом стучит у него в висках. Потом вдруг совершенно спокойным голосом она предложила:

— Как ты насчет Косоглазого?

Целый вихрь мыслей пронесся в его мозгу, но он, сдерживая себя, воскликнул:

— Косоглазый?! Этот надоеда?!

— Если ты позволишь ему помочь нам, он будет считать тебя богом солнца! — тихо заметила Пискля.

— Нет. Этот малявка всегда слишком громко орет и слишком много суетится. Он же минуты не может посидеть спокойно. Нет, Пискля, он наведет гоблинов прямо на нас!

— Послушай, — вздохнула Пискля, — если ты считаешь, что нас обязательно должно быть трое, чтобы открыть дверь, то мне остается просто поверить тебе и все. Но в таком случае придется и тебе просто поверить мне, а нам обоим — довериться Косоглазому. Или у нас ничего не выйдет. Разве я не права?

Коротышка устало привалился к стене, совершенно раздавленный тяжкими и неожиданными сомнениями. Пискля встала.

— Подожди здесь, — сказала ока и неслышно метнулась к входу в спальню.

Коротышка остался один. Он был охвачен бурей мыслей и чувств. Не в силах совладать с волнением, он даже кулаком стукнул по каменному полу.

Что же ему делать, как быть? Можно, конечно, уйти, прежде чем вернется Пискля и приведет с собой Косоглазого. Эти двое, скорее всего, побоятся даже близко подойти к гоблинам. А уж сам-то он как-нибудь проскользнет у них под носом, он привык, ведь он так давно крадет по ночам еду и воду, и гоблины ни разу его не поймали. Да, в одиночку он вполне может рискнуть. К тому же бегает он тоже быстро, вряд ли кто-то способен его поймать… Нет, гоблины все-таки бегают куда быстрее… С другой стороны, не такие уж они и сильные, эти гоблины… С одним-то гоблином он, пожалуй, вполне справится… Может даже убить того, кто его заметит, а потом быстренько удерет, пока не явились остальные.

Он мог бы, мог бы!..

А Пискля? Пусть остается заложницей?

Нет. И Коротышка не двинулся с места.

Он медленно, с трудом встал, лишь когда заметил две неясные тени, показавшиеся из-за угла. Сердце сразу перестало биться как бешеное. Вернулась прежняя ясность мыслей. Все, теперь для страха и сомнений просто не осталось времени.

— Пошли скорей, — велел он и, не оборачиваясь, двинулся вперед.

— А куда? И зачем? — Вопросы так и посыпа-

лись у Косоглазого изо рта.

— Тише! — прошептала Пискля, крепче сжимая его руку. — Ты же обещал вести себя тихо, если хочешь участвовать вместе с нами в одном приключении, и делать то, что тебе будет велено. Мы с Коротышкой тебе поверили, так что, уж пожалуйста, не подведи нас!

Косоглазый с шумом втянул в себя воздух и даже дыхание затаил от важности момента.

Пискля вдруг дернула Коротышку за край рубахи. Он обернулся и увидел, что на щеках у нее блестят следы слез.

— А как же остальные? — жалобно спросила она. — С ними-то что будет? Малыши спали, когда я уходила… Но мы же не можем просто так их бросить?

— Нам со всеми разом ни за что не справиться, — ответил Коротышка. — Может быть, мы сумеем забрать их позже, когда выберемся на свободу и позовем кого-нибудь на помощь…

— Мы точно попытаемся их забрать? Честное слово?

— Не знаю, Пискля. Ну что я могу сказать тебе сейчас?.. Но спасти их мы конечно же попытаемся!

Ближайшая из высоких дверей была уже рядом,

неясным прямоугольником нависая над ними в темноте. По темным коридорам гулким эхом разносились пронзительные вопли пирующих гоблинов. Пискля в полной растерянности, высоко задрав голову, рассматривала огромную дверь.

— Ой! Что это вы собираетесь делать? — вскрикнул негромко Косоглазый и тут же испуганно прижал ладошку к губам, бросив на Коротышку исполненный раскаяния взгляд.

— Послушай, Пискля, — сказал Коротышка, — если я обопрусь руками о стену, ты сможешь взобраться ко мне на плечи? Можешь цепляться за рубаху. А ты, Косоглазый, постарайся потом залезть на плечи Пискле. Сможешь? И оттуда перебраться вон на тот выступ. А затем тебе придется вывинтить болт и отодвинуть засов.

— А зачем это? — спросил мальчик, страшно удивленный, но из осторожности говоривший еле слышно.

— Некогда объяснять. Потом. Так что? Сможете вы это сделать или нет? Сможете?

«Только б они смогли!» — думал Коротышка.

Пискля и Косоглазый неуверенно кивнули. Девочка быстро взобралась Коротышке на плечи, но когда полез Косоглазый, она вдруг качнулась.

Коротышка почувствовал, что сейчас потеряет равновесие, и сделал шаг в сторону, чтобы не упасть. От ужаса у него похолодела спина. Но он удержал их обоих, крепко упершись руками в стену, и вслух не промолвил ни слова. Не прошло, казалось, и минуты, как он услышал лязг засова. Отпертая дверь качнулась на петлях и приоткрылась почти беззвучно.

Коротышка весь взмок от напряжения и страха. Холодный пот тек по его спине ручьем — куда более холодный, чем хлынувший в приоткрывшуюся дверь воздух.

— А ну-ка, быстрей слезай! — простонал он, и Косоглазый поспешно спрыгнул на пол прямо с плеч Пискли.

И тут Коротышка не выдержал и рухнул на пол вместе с девочкой, больно ударившись о камень.

Стиснув зубы, он выбрался из-под нее, и она, заметив, что он сильно хромает, тут же подставила свое плечо и сказала:

— Обопрись на меня.

Затем левой рукой обхватила его за талию, а правой потянула за железную ручку двери. Дверь со скрипом отворилась.

Такой скрип и мертвого мог бы разбудить, подумал Коротышка, с болью вспомнив Яблочко.

За дверью не оказалось ни солнечного света, ни цветов, ни луны со звездами. Только тьма. А из темноты на них дохнул пронизывающе холодный ветер, пахнувший сыростью и плесенью. Косоглазый отшатнулся.

— Мне страшно! — прошептал он.

— Не бойся, — тоже шепотом ответил ему Коротышка, с трудом ковыляя на вывихнутой ноге и сильно опираясь на плечо Пискли.

Косоглазый примолк и старался не отставать.

Оказалось, они стоят на верхней площадке лестницы, ведущей куда-то во тьму. Синеватые огни, через равные промежутки горевшие на стенах из грубого камня, давали, впрочем, довольно света, чтобы осторожно спуститься от одного огонька до другого.

— Должна же эта лестница куда-то вести! — еле слышно пробормотал Коротышка, почти не разжимая губ. — Вряд ли выход из их крепости ведет прямо в мир Зеленых Листьев, верно? Так что пошли!

Пискля постаралась как можно плотнее затворить дверь. Засов они, разумеется, задвинуть не смогли, но надеялись, что пирующие гоблины ничего не услышали, да и утром не сразу обратят внимание, что дверь с внутренней стороны

отперта.

Они шли все вниз, вниз, и наконец лестница привела их в какой-то поистине бесконечный коридор. При каждом шаге Коротышке казалось, что в спину ему всаживают острый нож. Но он упорно шел вперед, хотя и дышал тяжело, с хрипом, и мечтал лишь о том, как бы свернуться калачиком прямо здесь, на сырых камнях, и, завернувшись в сон, как в одеяло, заснуть навсегда!.. Но мир Зеленых Листьев по-прежнему манил его. Он твердо знал, что это его мир. И еще ему казалось, что он нужен не только своим спутникам, но и тем детям, которые остались у гоблинов.

Он слышал, как Пискля шепотом рассказывает Косоглазому, почему они вынуждены были бежать. Выслушав ее, мальчишка так и взвился:

— Нет, этого не может быть! Ужас какой! Я тебе не верю!

— Ну и не верь, — устало сказала девочка. — Не веришь и не надо. Если хочешь, можешь вообще вернуться назад, к своим хозяевам. И донести на нас. Возможно, они еще успеют нас поймать, а тебе в качестве награды дадут сладкого мяса. Только помни, чье это мясо!

Косоглазый явно с трудом сглотнул слюну и

покрепче уцепился за свободную руку Пискли.

— Нет уж, я с вами пойду! — решительно заявил он и, спотыкаясь, потащился дальше.

Каким бы тяжелым для истерзанных, измученных детей ни был этот подземный путь, но в итоге они все же добрались до конца коридора, который оказался примерно три мили в длину. В конце коридора они увидели странную наклонную дверцу. Сил у Коротышки к этому времени почти не осталось, да и надежды тоже. А страшная боль поглотила его настолько, что он, совершенно забыв об осторожности, всей тяжестью своей повис на дверной ручке, но открыть тяжелую дверь силенок у него не хватило. Пискля сразу пришла ему на помощь, и дверь, не выдержав двойного усилия, скрипнула ржавыми петлями и сдвинулась с места.

Свежий воздух, хлынувший им навстречу, был почти таким же холодным, как в подземелье. И было почти так же темно; слабый свет исходил как бы ниоткуда, не имея определенного источника. И самое удивительное — они не отбрасывали теней! Все вокруг было окутано какой-то странной пеленой, состоявшей из множества крошечных белых хлопьев, которые беззвучно падали на землю, устилая ее толстым ковром, а

чуть поодаль виднелись такие же белые бесформенные фигуры — впоследствии оказалось, что это покрытые снегом кусты с колючими ветками и высокие пучки травы с острыми режущими краями. Туннель вывел их на склон какого-то холма, однако, кроме нескольких кустов и пучков травы, больше ничего рассмотреть они не смогли: все застилала белая пелена.

— Что это? А где же мир Зеленых Листьев? Значит, его и нет вовсе? — вскричал Косоглазый тоном ребенка, которого ударили ни за что.

— Я пока и сам ничего не понимаю, — с трудом прохрипел Коротышка. — Давайте просто пойдем вперед и все.

Пискля захлопнула дверь в туннель. С внешней стороны дверь больше всего была похожа на ящик с землей, в котором густо рос вереск, так что в закрытом состоянии дверь было невозможно отличить от остальной поверхности холма. Девочка заметила также стоявший неподалеку плоский, поросший лишайниками камень — менгир, надгробие ее далеких предков, хотя тогда это ей было, конечно же, невдомек. Наверное, гоблины специально оставили здесь этот камень, решила Пискля. Но желания запомнить мету, чтобы иметь возможность вернуться, у нее не

возникло. Нет, ни за что! Что бы ни ждало их впереди! Сдерживая дрожь, Пискля бросилась догонять Коротышку, который без ее помощи то и дело спотыкался, с трудом волоча покалеченную ногу.

Дети, не сговариваясь, двинулись вниз по склону холма, потому что туда просто легче было идти. Их босые ноги оставляли на снегу кровавые следы, но падавшие сверху густые белые хлопья тут же скрывали красные отпечатки, так что гоблины вряд ли смогли бы их выследить. Впрочем, это уже почти не имело значения. Лучше уж умереть здесь, чем вернуться к проклятым упырям и позволить себя сожрать!

Истерзанные болью и голодом, из последних силенок дети сделали по глубокому снегу не одну тысячу шагов, пока у них еще теплилась какая-то надежда, но вскоре умерла и она.

— Ничего не выйдет, — прокашлял Коротышка. — Я больше не могу. Оставьте меня. Это бессмысленно…

— Н-н-ни за что! — возмутилась Пискля.

Взвалив Коротышку на плечи, она потащила его на себе. Глаза девочки упорно рыскали по сторонам в поисках хоть какого-нибудь убежища. О, да там, кажется, пещера? А вокруг густо растут

кусты…

— Туда, туда! Ну, прошу тебя, Коротышка! Пожалуйста, послушай меня, поверь мне!

В пещере он потерял сознание. Пискля, опустившись рядом с мальчиком на колени, увидела, что он холодный как лед, а глаза его закатились под лоб. Она не была уверена, что Коротышка ее слышит, но все же прошептала:

— Сейчас, сейчас, погоди… Тебе необходимо хоть немного согреться. Поди сюда, Косоглазый. Ложись слева от него и хорошенько к нему прижмись, а я лягу справа.

— Но я тоже замерз. И устал! — попытался возразить Косоглазый.

— Коротышка отдал нам все, что имел, — сурово сказала ему Пискля. — Теперь наша очередь.

Косоглазый покачал с сомнением головой — идея делиться с кем-то была для него совершенно непривычна, — но подчинился. Через некоторое время он заметил, что непонятные белые хлопья тают, коснувшись кожи, и превращаются в капельки воды. Схватив с земли целую пригоршню, он осторожно лизнул снег, а потом сунул в рот и, захлебываясь от восторга, закричал:

— Эй, послушайте! Эта штука в воду превращается! Значит, от жажды мы точно не умрем!

— А может, и поесть что-нибудь отыщем, — поддержала его энтузиазм Пискля.

Постепенно становилось светлее. Снег идти перестал. Коротышка уснул, свернувшись калачиком, согретый телами своих друзей. А Пискля и Косоглазый все всматривались в бесконечное белое пространство, над которым висели низкие свинцовые небеса. И только на самом краю этой белой безбрежности была чуть заметна более светлая полоска. Однако слов для всего этого они не знали, да и понимания увиденного им не хватало. Так что, когда над головой вдруг захлопали черные крылья и раздалось хриплое карканье, они перепугались насмерть.

Занесенный снегом склон холма скрыл от них замок гоблинов, да они бы, пожалуй, теперь и не различили вход туда. Впрочем, они чувствовали, что теперь находятся действительно довольно далеко от своих ненавистных хозяев и невероятно далеко — от мира Зеленых Листьев!

Вдруг Косоглазый вскочил и, заикаясь от возбуждения, заверещал, показывая куда-то вдаль.

— Вон, вон! Смотрите! Вон там! Видите?

Пискля вгляделась в мутную белую даль. Над вершиной холма примерно в сотне ярдов от них возникла странная фигура: высокая и широкая,

точно тот знаковый камень у входа в туннель, но на двух ногах. Чуть поодаль двигались еще четыре такие же фигуры, поменьше и какие-то согнутые. Вскоре Пискля поняла, что это люди, а головы у них опущены к самой земле, точно выискивают в снегу, чем бы им поживиться.

— Какой-то гоблин, что ли? — вслух размышляла девочка. — Вроде бы нет… Однако…

— Нет! Это кто-то из человеков! — завопил Косоглазый и вскочил. Коротышка, разумеется, тут же потерял равновесие, проснулся, и в животе у него забурчало от голода. — Это такие же человеки, как у нас на картинках!

— Сейчас же сядь! — свирепо рявкнула Пискля. — Откуда ты знаешь, что это именно люди? Нам же столько рассказывали и о демонах, и о троллях, и о всяких других страшных существах, помнишь?

Но Косоглазый садиться и не подумал; он посмотрел на Писклю даже с каким-то вызовом.

— А я уверен, что это человеки! — заявил он. — И если мы их не остановим, они так и пройдут мимо и ничего о нас не узнают. И мы просто умрем. Да! И я тоже… Я так считаю!

Пискля не сразу нашлась, что ему ответить, и некоторое время молчала. Присевшая рядом

ворона насмешливо на нее посматривала.

— Возможно, ты прав, — вымолвила наконец Пискля. — Наверное, мне следует тебе поверить… Ну что ж, тогда беги навстречу этому… — ну, все равно! — этому существу, кем бы оно ни оказалось!

— У-у-у! Ладно! — крикнул Косоглазый и неловко запрыгал по снегу.

Пискля, крепко прижав к себе Коротышку, смотрела ему вслед.

Несмотря на немалые уже годы, Орик по-прежнему порой по нескольку суток проводил на охоте. Исполненный презрения к тем страхам, которые исподволь заползали в дома людей и начинали властвовать там, Орик подолгу рыскал в поисках дичи на вересковых пустошах Мимринга совсем один, если не считать его гончих псов. Именно там он и увидел какого-то полуодетого мальчонку, который, падая и задыхаясь, птицей летел к нему через огромное заснеженное поле.

Орик придержал собак.

— Стоять, Грип! — приказал он. — Лежать, Гриди! Тихо вы, Лолл и Нолл. — Псы тут же смолкли и послушно застыли рядом с хозяином.

Рыжая шевелюра бегущего к Орику мальчонки казалась единственным цветным пятном на

белоснежном склоне холма. Добежав, он, совершенно обессилев, упал к ногам охотника, и тот увидел, что локти и колени ребенка покрыты ссадинами и синяками, а все тело — гусиной кожей. Мальчик был в одной грубой домотканой рубахе, превратившейся в клочья после долгих и, видно, тяжких странствий.

— Так, так, — пробормотал Орик. — Что тут у нас? Посмотрим-ка! — И он, положив оружие на снег, нагнулся, чтобы помочь мальчику подняться.

Но тот сразу вскочил и проворно отбежал на четвереньках в сторону, точно перепуганный зверек. Большие глаза его так и светились на белом как мел лице, покрытом рыжими веснушками.

— Что ж ты так испугался? — усмехнулся Орик. — Ты же сам ко мне бежал! Или я вблизи тебе таким страшным кажусь? А может, ты собак боишься? Не бойся, они тебя не тронут, малыш.

Улыбаясь, он вынул из кармана кусок сыра и протянул мальчику. Тот отбежал еще дальше.

Орик выпрямился и предложил:

— Если хочешь, я могу потихоньку по твоим следам пойти. На некотором расстоянии. — Мальчишка что-то промямлил. — Извини, но я тебя что-то не понимаю. — Орик приложил к уху ла-

донь чашечкой. — А ну-ка, скажи еще разок.

— Ты из человеков? — услышал он. Акцент у ребенка был настолько странный, что Орику приходилось сперва обдумывать каждое сказанное малышом слово. — А… ты… меня не съешь?

И тут вдруг Орик все понял. Взгляд его затуманился, и он ответил как можно мягче, скрывая охватившее его волнение:

— Нет, малыш. Я отведу тебя домой!

И он двинулся по следам в ту сторону, откуда прибежал мальчик. У него за спиной тут же образовался маленький холмик: мальчишка, присев на корточки над упавшим в снег сыром, с жадностью пожирал его. А потом бросился догонять охотника.

Услышав голоса еще двоих детей, Орик воткнул в снег копье, велел собакам сидеть и безоружный двинулся вперед. Девочка в ужасе подняла на него глаза, но не бросила мальчика, в полубессознательном состоянии лежавшего у нее в объятиях.

— Я так и подумал, что ты его бросить не можешь… — пробормотал Орик. — Надо мне как-то, наверное, доказать вам, что зла я никакого не причиню, да?..

И он принялся расчищать снег прямо на склоне

холма под холодно взиравшими на все это с небес удивленными звездами; затем принес хворосту и с помощью своей трутницы разжег костер.

Вскоре младший мальчонка уже осмелился подползти поближе и устроился у самого огня. Чуть позже решилась подойти и девочка; она наполовину привела, наполовину притащила на себе старшего мальчика — тот был слишком слаб.

Орик положил возле костра еду, отошел в сторонку, достал из заплечного мешка флейту и стал наигрывать самые красивые мелодии, какие знал.

Через некоторое время он подошел к тому месту, где лежал старший мальчик. Девочка и рыжеволосый малыш тут же отошли от костра, но наутек все же не бросились. Орик положил на снег свой теплый плащ и походное одеяло.

— Завернитесь-ка в это хорошенько, — сказал он детям. — Ничего больше я пока что сделать для вас не могу. — Он подхватил на руки тяжело обмякшее тело старшего мальчика и предложил девочке: — Может, понесешь мое копье? Вон ту штуковину с длинной ручкой? — Он мотнул головой в сторону копья. — Только осторожней — оно острое. Хотя в таких местах принято все-таки

иметь оружие в руках.

Она все сделала так, как он велел. А он все старался не делать резких движений, чтобы не испугать ее: она ведь, чего доброго, могла и на него броситься от страха. Когда же девочка вроде бы немного освоилась, он ускорил шаги.

Шли они медленно, с частыми остановками. Силы у Орика были уже далеко не те, что в молодости, и Коротышка — так называла его девочка — оказался для него нелегкой ношей. Под вечер им все же пришлось остановиться на ночлег. Орик снова развел костер и, как сумел, приготовил ужин.

— Вы с Коротышкой ложитесь в моем спальном мешке, — сказал он девочке. И суховато усмехнулся. — Надеюсь, промеж вами ничего такого недозволенного не случится, а? Ну, а мы с тобой, Косоглазый, завернемся в мой плащ и уж вдвоем-то постараемся не замерзнуть. — Но младший мальчик испуганно шарахнулся в сторону. Орик и глазом не повел, добродушно заметив: — Не хочешь и не надо. А захочешь — приходи.

К ночи небо разъяснилось. Засверкали звезды. Дети тихо ойкали от восторга. А вскоре и Косоглазый потихоньку подполз к Орику под бочок и улегся с ним вместе среди собак.

К утру Коротышка уже вполне мог ходить, хотя ему все еще было очень больно. Но тем не менее к полудню они уже добрались до первой деревни, а на закате и до Йоруна. По пути дети громко восхищались всем, что видели. Они держались все вместе и чуть в стороне от Орика. Очень часто их что-то пугало, и они все стремились удрать от неведомой опасности. Но потом непременно возвращались и послушно следовали за своим провожатым.

Город окутывали голубые сумерки. Над заснеженными островерхими крышами домов загорались ранние звезды. Из окон струился теплый желтый свет. Орик вел детей прямо к дому кузнеца Гутлаха.

Он постучался. Кузнец, открыв дверь, возник на фоне светящегося дверного проема — огромный, черноволосый, широкоплечий. Увидев его, Косоглазый пронзительно вскрикнул и бросился назад. Коротышка загородил собой Писклю и широко расставил ноги, растопырил, точно когти, пальцы на руках и оскалил зубы: приготовился драться.

— Тихо, дружище, ты с ними поаккуратней! — Орик схватил кузнеца за плечо. — Эту компанию и испугать недолго. Я думаю, они у гоблинов

жили.

— Что? — раздался из глубины дома чей-то взволнованный голос, и жена Гутлаха, отодвинув кузнеца в сторону, бросилась к детям. — Наш Вестмар вернулся?

— Боюсь, этого мы никогда не узнаем, — вздохнул Орик. — Ведь уж лет тринадцать прошло с тех пор, как вы его потеряли, верно? Да только мне подумалось, что у вас в доме за детьми будет надлежащий уход.

— Да мы с радостью! Ах, бедняжки! — запричитала женщина, опускаясь прямо в снег и раскрывая объятия едва видимым в темноте детям.

— Так они что же, сбежали от гоблинов? — прогремел бас Гутлаха. — А рассказать-то они хоть что-нибудь могут? Эх! — Кузнец с такой силой стукнул кулаком по стене, что та загудела. — Сколько же лет я мечтал об этой минуте!

— Ну все, здоровяк, умерь-ка свой пыл. — Охотник положил руку Гутлаху на плечо. — Им ведь нелегко пришлось, это сразу видно.

А женщина по-прежнему стояла в снегу на коленях, терпеливая и неторопливая, точно восходящая луна. Коротышка первым шагнул к ней. Пошатнулся, сделал еще шаг, и тут его обогнали

Пискля и Косоглазый, крепко держась за руки и дрожа от страха. Потом дети остановились в нерешительности, но не убегали, словно ждали, когда эта добрая женщина поднимется с колен и примет их в свои объятия.

— Да, да, пусть сперва отдохнут немного, подлечатся, подкормятся, — сквозь слезы говорила она, — а потом и расскажут нам все — когда сами захотят и когда будут готовы. Тогда уж, наверно, и листья на деревьях снова станут зелеными…

Слушайте! Мы вам об Орике расскажем, что был охотником;

О Гутлахе, могучем кузнеце, и о других хороших людях,

Которые, во имя мести страшной, отправились далеко,

За вересковые пустоши. Спустились глубоко под землю

И, протаранив мощные ворота, проникли в замок гоблинов.

Великие герои эти сражение вели на пустошах Мимринга;

Они врага без жалости разили, стремясь очистить землю

От мерзких тварей, детей своих украденных спасая.

Но все ж победу гоблины могли бы одержать, когда б

Могучий Гутлах в подземелье темном и глубоком

Пещеру потайную не нашел и не разнес он молотом своим

Священный Камень гоблинов, над очагом их укрепленный.

И пал тогда во прах их замок черный, сам прахом став.

И солнца свет, проникнув в подземелье, зла семя уничтожил.

И люди обрели свободу. И наконец подули сладостные ветры…

Пусть много поколений сменится, но помнить будут люди

Те подвиги, что в день великой битвы их предки совершили!

Так начинается знаменитая песнь «Гнев отцов», которую и до сих пор знает каждый житель Илэнда.